

— Эх ты ж, мальчонка совсем...

На краю сознания слышу голоса, ничего не понимаю, но русскую речь распознал сразу. Пытаюсь сказать хоть что-то, но не слышу, получается или нет, кажется, я даже рот открыть не могу. Темнота сгущается надо мной, судорога режет тело и больше ничего. Тишина.

— Матвеич, он что, живой? Куда ты его тащишь?

— Да наш он, тебе говорю, наш! Отнесу в отряд, вдруг оклемается!

Разговор двух обросших мужиков на островке посреди болота. С обоих стекала вода и грязь, оба были усталыми, но один упорно пытался привести в чувство найденного на островке мальчишку.

— Не знаю, донесем ли, — покачал головой второй мужчина. Низкого роста, с бородой клочками и кудрявыми, немьтыми волосами. Лицо его разглядеть было сложно, еще бы, партизаны в лесу живут, зачем им бриться, да и некогда, в общем-то.

— Донесу. Слышал, что девочка сказала? Он нужный человек, сержант, инструктор. Ты когда-нибудь видел инструктора такого возраста? Надо его выносить, надо. — Мужчина, который бережно поднял мальчишку на руки, выглядел почти копией своего товарища, разница была только в росте, этот был заметно выше.

— Чудно как-то, мальчишка и инструктор? Странно все это.

— А что странного? Если он в таком возрасте умеет больше, чем многие в сорок лет, то его нельзя инструктором сделать?

— Ты сам-то, Матвейч, веришь в такое?

— Верю. Видел уже за два года разных мальчишек. И у немцев, и у наших. Немцы, говорят, готовят таких волчат, похлеще взрослых, потому как и делают мальчишки много. В любом случае в отряд надо, радио дадим, а вдруг его ищут?

— Ладно, давай винтовку, понесу, а с ним уж ты сам.

— Давай, — заключил тот, которого звали Матвейчем.

Путь был очень тяжелым, здешние леса серьезно затрудняли движение, но в этом был и большой плюс, самих партизан так же сложно найти, иначе немцы бы уже всех истребили. Мальчишка никак не приходил в себя, хоть раны ему и перевязали, но лучше не становилось. Правда, хуже тоже, дышал он вполне ровно, но был все время без сознания. Все партизаны могли предположить, но то, что инструктором мальчишка окажется... Впрочем, в этих лесах кого уже только не было за годы войны. С Большой земли постоянно присылают разные отряды, кто-то оседает в лесах, кого-то убивают на задании, а некоторые вынуждены уходить далеко, уводя за собой преследователей. Недавно только группа была, ух и сильные в ней ребята, сколько они в Ровно находились, пытаясь задание выполнить, а никак не удавалось. Но вот и на них облава состоялась, где-то все же ошиблись, пришлось уходить. Тут ведь в этих лесах не только немцы рыскают, это было бы полбеды. Местных здесь много, тех, кому советская власть поперек горла стоит. Украинские националисты, ОУН какая-то, бульбовцы. Матвейч слышал, как комиссар

объяснял, кто это такие и откуда взялись, но не запомнил, плевать ему на них было. Вражина, он и есть вражина, чего ему думать о том, кто они, да кто создал их отряды. Убивать их всех надо, тварей. Они деревни вырезают под корень, никого не щадят, так неужто ему, коренному белорусу, думать об этом дерьме?

Дойти до группы, которая двигалась на север, а вовсе не сидела на месте, хлопотное занятие, не догнать. Матвеич переживал сейчас только за пацана, сами-то с Семеном дойдут, места-то знакомые, сколько тут раз хожено, не упомянуть даже. А вот мальчонку жалко, экий справный воин растет, один против целой группы немцев остался и всех положил, диковина просто.

— Матвеич, тут недалеко хутор был... — второй партизан, который носил имя Семен, остановился.

— Знаю, но с прошлой осени там не был. Дед как умер, теперь и не знаю, жинка-то его там или ушла?

— Может, навестим? Парню-то, поди-ка, операцию делать надо, смотри сколько крови потерял!

— Давай, все одно ничем уже не рискуем, а мальчонке хреново, дышать что-то прерывисто начал. Пойдем, поворачивай на восток, скоро тропка появится, ежели не заросла совсем. Успеем, пацан будет жить.

Два товарища, бывалых партизана, пробираясь сквозь заросли ольхи и рябины, устремились на восток. Только в темноте они достигли своей цели. Хутор в лесу имел упаднический вид и в первую минуту друзья уж было поникли. Но подойдя ближе, обнаружили в одном крохотном оконце тусклый свет свечи.

— Есть все же кто-то, но надо осторожно. Давай, Семен, посмотри там, я тут посижу.

Семен ушел к дому, тихо и быстро пробежав от плетня, присел под стеной хаты. Матвеич не видел

его, темно уже, но яростно вглядывался в нужном направлении. Мальчишка, лежавший на траве, дышал все тяжелее, изо рта то и дело появлялись капельки слюны с кровью. Матвейчу, потерявшему всю семью разом еще в июне сорок первого, становилось тревожно. Он и сам не понимал, почему мальчик так запал ему в душу, но хотел во что бы то ни стало помочь ему.

— Матвейч, там суки эти, оуновцы! — прибежал, наконец, Семен.

— Вот же гадство, вышли, твою мать! — выругался от души, но шепотом Матвейч.

— Тише ты, — шикнул на него Семен. — Пьяные, хозяйка там, гоняют ее, все самогон просят.

— Много?

— Видел четверых, на дверях никого, ничего не боятся, суки.

— А чего им бояться? До ближайшей деревни сорок верст по лесам! Как они вообще тут оказались?

— Хрен их знает, чего делать-то будем?

— Автомат немецкий в порядке? — вдруг спросил Матвейч.

— Не стрелял, но вроде да, — кивнул Семен.

— Давай мне, сам пойду!

— Вместе сделаем, вдвоем-то явно легче будет!

И друзья пошли к дому. Подойдя, тихо открыли дверь и в сенях наткнулись на хозяйку. Та успела только рот открыть, когда его ей зажали ладонью. Женщина была крупная, лет под шестьдесят, такая, если захочет, то сама кому угодно и рот заткнет, и голову открутит.

— Капа, это я, Матвейч, помнишь меня? Я с твоим мужем пасеку вам помогал делать в сорок первом. Женщина часто-часто закивала.

— Эти твари в доме?

Женщина кивнула.

— Четверо?

Женщина кивнула отрицательно.

— Я отниму руку, только не кричи!

Женщина вновь кивнула, давая знать, что поняла.

— Шестеро их, двое спят, ранетые. Четверо пьют, послали за пойлом, а у меня только на леднике осталось. Вот и пошла.

— Точно на улице их больше нет?

— Нету, вчерась заявили, приказали лечить ранетых, командиры ихние, а сами пить начали. Шли издалека, все в грязи и усталые.

— Двигай на улицу, в дом не суйся, пока не позовем.

— Оружия у них много, осторожно, Ваня.

Матвеич уже не помнил, когда его называли по имени. Привык к отчеству, от того даже вздрогнул.

Боя не было, так уж повезло партизанам, напасть в удобный момент. Двое пьяных оуновцев спали, уронив головы на стол, а оставшиеся двое еще пытались пить. Несколько коротких очередей из немецкого автомата, два или три выстрела из винтовки Матвеича, и наступила тишина.

— Капа! Иди сюда, все кончилось, — позвал Матвеич хозяйку хутора.

— Ой, трупаков-то сколько наделали, куда их теперьча?

— Оттащим сейчас к болоту, там быстро утопнут.

— Так далеко же? — И правда, до лесного болота путь был неблизкий, километра три по прямой.

— У тебя животины не осталось?

— Да какое там, еще в прошлом году эти же все прибрали. Почти год никого не было, а тут заявились. Что же, Ваня, война-то так и идет? Где же

наши-то нынче? Сто лет никого не видела, а у этих ведь не спросишь!

— Начали давить помалу, скоро, Капа, скоро и до нас дойдут. Но без нашей помощи им труднее. Дело к тебе, Капочка, мальчонка у нас, раненый весь, ноги, спина, может еще куда, весь в крови.

— Так что же стоишь-то, дурак старый, тащи скорее! С этими и утром разберешься, выкинуть бы их только из хаты, провоняли все.

Вдвоем партизаны по очереди вынесли всех убитых оуновцев и побросали их за околицей. И правда, необходимости тащить их на болото пока нет, до утра ничего не случится.

— Фу, успели, живой вроде! — послушал дыхание у мальчишки Матвеич и решительно поднял его с земли.

— Давай помогу, чего все один таскаешь.

Семен подхватил за ноги, и вдвоем партизаны потащили легкого паренька к хате. На пороге уже встречала хозяйка.

— Капа, у тебя из твоей медицины что-то осталось еще? — спросил с надеждой в голосе Матвеич.

— Лекарств нет давно, зимой двое лечились, все извела на них, а больше никто не приносил. Вы где-то пропали, забыли меня. Думала, совсем сгинули.

— Не забыли, Капочка, не забыли, — погладил женщину по плечу Матвеич, — сама знаешь, чем мы заняты, сегодня здесь, а завтра хрен знает где.

— Что за мальчуган-то? — спросила хозяйка, помогая раздевать раненого.

— Точно не знаем пока, до отряда дойдем, попробуем по радио связаться, узнать что-нибудь. Девчонка на нас вышла, рассказала, что их отряд гауляйтера уничтожил. А парнишка этот вроде как за

старшего у них. Отряд весь погиб, остались одна девица и вот он.

— Неужели эту скотину, наконец, смогли убить?

— Не знаем пока, не видели никого, сами с задания возвращались, эшелон у немца под откос пустили.

— Так, ладно, нагрейте воды мне, срочно, в комодке простынь распустите на бинты, быстрее, мужички!

И женщина начала колдовать над раненым. Не дождавшись теплой воды, принесла той, что была на кухне, не ледяная и ладно. Обмывая тело, женщина то и дело удивлялась, и глаза ее расширялись.

— Господи боже, да кто ж его так? Мальчишка ведь совсем! — причитала женщина.

Подоспела и вода. Срезав бинты со спины, что наложили партизаны, женщина принялась промывать рану, из нее вновь пошла кровь.

— Матвеич, поддержи! — она вставила расширитель в рану и передала его партизану. Сама же начала копаться в ране, и вскоре на пол упала пуля. — Тут нормально, кости я, конечно, проверять не стану, сейчас обработаю и будем ногами заниматься. Если бы артерию перебили, уже бы помер, значит, и там, скорее всего, не тяжелое.

— Твоими бы устами, Капа, да мед хлебать! — пробасил Матвеич и зажмурился. — Держись, сынок, держись, — наклонившись к парнишке, прошептал партизан.

С ногами ковырялись дольше, одна была прострелена навывлет, а вот во второй пуля засела под сустав и пришлось долго ковырять, чтобы подцепить ее. Мало просто вытащить пулю, нужно ничего попутно не порвать.

— Трудная работа у хирургов, ох и трудная, — выдохнул Семен, закуривая «козью ножку» на крыльце, куда их выгнала Капа, закончив операцию.

— Не говори, помогал пару раз уже, посмотрелся, даже просто глядеть и то тошно, а уж копаться там...

— Бр-р-р, — подытожил Семен. — Уж лучше на-смерть, чем вот так.

Через полчаса хозяйка хутора вышла на улицу, попросила полить ей на руки воды и, умывшись, позвала партизан в дом.

— Так, ребята, дело мы сделали, но хрен их знает, этих бандеровцев, откуда они сюда пришли и зачем. Парня я спрячу, вы знаете, у меня, если только с собакой будут, смогут отыскать, и то не быстро. Но вы с утра, как закончите с этими подонками, дуйте в отряд. Если парень и правда тот, каким его описала ваша деваха, за ним должны будут прислать людей и вывезти его отсюда. Сами понимаете, лекарства нужны, а где я их возьму?

— Ладно, Капочка, ты уж постарайся мальчика сбереечь, знаю я про твои травушки-муравушки, поколдуй над ним, а мы уж постараемся все узнать, как можно быстрее.

Партизаны таскали трупы бандеровцев на волокуше, по трое зараз, устали как черти, а впереди еще долгая дорога в отряд. Вышли только после обеда, а уж когда доберутся, даже не представляли сами.

Парень не приходил в себя, и хозяйку хутора, в прошлом хорошего врача, это беспокоило. Женщина ухаживала за ним уже три дня, вспоминая все свои навыки и рецепты, доставшиеся по наследству от матери, а та была знатной травницей.

Вот уже больше года прошло, как Капитолина Георгиевна Колюжная схоронила своего любимого мужа, с которым прожила больше тридцати лет. Пять лет назад они оставили работу в больнице, муж был старше ее на десять лет, возраст давал о себе

знать, и мужчина начал сильно болеть. Они уединились здесь, на лесном хуторе, посреди болот. Почему именно здесь? Кондратию Степановичу здесь понравилось, чувствовал он себя здесь хорошо, вот и остались. На хуторе жили старик с женой, приютили, разрешили жить с ними и помогать по хозяйству, а через год друг за другом отдали Господу души. Так и остались здесь Капитолина с мужем одни-одиношеньки. Детей у них не было, Капитолина не могла их иметь после тяжелой болезни, которую перенесла в молодости, сразу после революции, оставалось одно в этой жизни: заботиться о любимом муже.

Три дня, меняя повязки, осматривая раны, женщина не находила себе места. От партизан новостей нет, мальчик не очнулся до сих пор, а она очень хотела его «поднять». Худой, но очень развитый парень, руки как стальные канаты, мышцы выпирают, словно их специально надувают, мальчик таил в себе загадку и тайну. И Капитолине очень хотелось ее разгадать. Кто же он такой? Почему совсем еще ребенок воюет? Почему он выглядит так, как будто родился спортсменом? Развита не по годам, уж сколько она видела и мальчишек, и мужиков. Столько вопросов, а ответов не было вообще, даже намеков.

На пятый день произошел наконец хоть какой-то сдвиг. В какую сторону, станет понятно позже, но то, что у мальчика снизилась температура, раны начинали принимать более здоровый цвет, радовало. Воспаления не было, но Капитолина этому как раз не была удивлена. Ее травки помогали, это она знала точно, не первый случай. Однажды к ним из леса вышел боец, как позже сам рассказал, неделю по болотам полз. У солдата в бедре находился огромный осколок мины, и рана начинала гноиться. Капа вытащила железку, обработала рану и две недели

прикладывала свои настои и втирала мази. Через месяц боец смог встать, а еще через неделю ушел. А попал бы таким в санбат, живо ногу бы отпилили, не спросили бы и как зовут, рана страшная была.

— Где я? — первые слова, вылетевшие из растрескавшихся губ мальчика, привели Капитолину в ступор. Неделя прошла, как она провела ему операцию, а он никак не приходил в себя. И вот сейчас, когда она услышала долгожданные слова, замкнулась сама.

В голове каша. Боль, кажется, везде, но какая-то спокойная, что ли. Темнота отступала, глаза открывать было больно, поэтому я даже не пытался. Как почувствовал боль, захотелось орать, даже не знаю и почему. Смог выдавить из себя два слова, хоть и рисковал, сказал-то на русском языке, и вновь куда-то провалился.

— Эй, парень, ты меня слышишь? — что-то горькое было на губах, хотелось вытереть их, но руки не слушались. Меня кто-то зовет, а кто, не знаю.

— Где я? — эти слова почему-то срывались с губами, я даже не думал над тем, чтобы что-то сказать.

— Ты в безопасном месте, успокойся, нервничать нельзя. Раны уже не кровоточат, заживать начали, скоро поправишься, — услышал я в ответ.

— Пить...

— Сейчас, вот, давай голову приподниму.

После этих слов мою многострадальную голову подняли, а к губам приложили что-то твердое и в рот потекла вода. Глоток, еще один, еще, жизнь стремительно начала возвращаться ко мне, но после третьего глотка сосуд с водой исчез.

— Пить... — повторил я, ворочая во рту сухим языком. Там просто помойка была сейчас, сухо и воняет, скорее всего.

— Больше пока нельзя, через полчаса повторим, — произнес женский голос.

Попытавшись наконец, открыть глаза, понял, что это будет больно. Убей не могу понять, почему так больно глазам, что случилось, где я наконец?

— Очень хочется... — Новые слова из лексикона не принесли удовлетворения, пить мне так больше и не дали.

— Потерпи, сынок, хоть чуть-чуть. Боюсь, что тебя вывернет наизнанку, если много выпьешь. Ты больше недели без сознания, не ел, не пил, понимаю, что плохо, но все же потерпи еще немного.

— Где же я все-таки? — Вопрос о месте моего нахождения волновал так же сильно, как и желание пить. А вот говорить, на удивление, я мог вполне свободно.

— На хуторе у меня, на болотах, — произнесла женщина.

— Ничего не понимаю. — Какие болота, какой хутор? Последнее, что я помню, как добил убегающего фрица и упал без чувств. Как я оказался здесь, где за мной вроде как ухаживают.

— Я тебе две пули вытащила, одна навывлет прошла, раны не тяжелые, но мало ли, надо в госпиталь. Дышать не трудно? — продолжила разговор женщина.

— Вроде нет, — задумался я, проверяя ощущения, — а должно быть?

— В спину попали, пуля неглубоко ушла, но могут быть ребра сломаны.

— Жжется только и ломит немного, ноги больше болят, особенно левая.

— В левой пуля и была, тут как раз наоборот, сидела плотно, пришлось поковыряться в тебе. Ну ничего, поправишься, я все переживала, что в себя не приходишь.